

для обозначения слова «дочь»: у эрзи - «*тейтерь*», «*техтерь*», у мокши - «*штурь*» [7, с. 62]. В с. Ст. Березовка есть некоторое отличие: девушка - «*тейтерь*», а дочь звучит как «*тейтере'м*» [3].

Что же касается поколения внуков то необходимо отметить у финно-угров одно обстоятельство, отмеченное уже по отношению к двоюродным братьям и-сестрам: для обозначения внуков и внучек финские языки пользуются или описательными терминами или заимствованными из русского. Специальных терминов для обозначения этого родства не выявлено. Так, мордва (как марийцы и венгры) заимствовали обозначение этого родства у русских, видоизменив термины согласно законам своего языка: у эрзи - «*ничка*» [7, с. 62] (в с. Н. Малыкла: внук - «*нуцька*», а внучка (как упоминалось выше) - «*тейтерь*» [4]; в с. Ст. Березовка: внук назывался также как и в Н. Малыкле, а внучка - «*нуцька'зо*» [3]), у мокши - «*уника*». Для обозначения этих родственных понятий обычно у финнов (в расширительном смысле) используются описательные термины типа «сын моего сына» или «дочь моего сына».

Таким образом, можно говорить о зависимости термина родства от старшинства и положения в семье и родства по отцу или матери.

Система родства и свойства, следовательно, является отражением реальной значимости семейно-родственных отношений у эрзи и мокши и реальных отношений в обществе и семейно-родственном коллективе. Она определяет статус индивидуума среди множества других людей, связанными с ним определенными узлами родства.

1. Евсевьев М.Е. Мордовская свадьба// Живая старина. Т. 2. Отд. II, III, IV; Он же. Свадьба у мордвы// Красный Татарстан. Казань, 1925. Т. I.
2. Кузнецов С.К. Мордва. Литогр. унив. курс. М., 1903.
3. Информатор Ирина Шпак (д. Мулино Нижегородской области), 1972 г.р.
4. Информатор Надежда Перова (с. Н. Малыкла Ульяновской области), 1938 г.р.
5. Лёпехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и академика Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российской государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771.
6. Майнов В.Н. Очерки юридического быта мордвы. СПб., 1885.
7. Маркелов М.Т. Система родства у финно-угорских народностей// Советская этнография. 1928. С. 45-78.
8. Мордва Заволжья. М., 1994. С. 125.
9. Смирнов И.Н. Мордва// Известия Общества археологии, истории, этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1892-1894.
10. Фукс К. Поездка из Казани к мордве//Журнал МВД. 1839.

И.В. Балюнов

Тобольский музей-заповедник, научный сотрудник

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ РУССКИХ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ СИБИРИ XVII-XVIII вв.

Несмотря на то, что в настоящее время археологические исследования первых городов и острогов Сибири ведутся достаточно широко, до сих пор в научной литературе ряд аспектов материальной культуры русского населения XVII - XVIII вв. можно назвать плохо освоенными. В частности, ощущается нехватка обобщающих работ, охватывающих серьезные хронологические и территориальные рамки, и посвященных такому массовому материалу как керамика. Надо отметить, что даже для археологии Европейской России, где изучение славяно-русских древностей ведется давно, именно обобщающих публикаций сравнительно немного. И недостаточное внимание к керамике характерно для всей городской археологии, что объясняется, прежде всего, трудоемкостью работы с собранным материалом.

Кроме этого, если обобщить, наиболее известные публикации по теме, то можно выделить ещё ряд проблем, возникающих при изучении керамических комплексов русских памятников за Уралом.

Одной из таких проблем является вопрос о месте производства русской гончарной керамики. О.В. Овсянников, исследовавший фрагменты посуды, найденные в Мангазее, пришел к заключению, что своего гончарного производства в городе не существовало, а найденные фрагменты принадлежат привозной посуде [8, с. 272]. Аналогичные выводы, но для материалов Илимского острога сделал В.Н. Добжанский [5, с. 127]. Точка зрения этих авторов была достаточно убедительно опровергнута последующими работами Б. Н. Мельникова (для Илимского острога) [6, с. 396], С.Г. Пархимовича, Г.П. Визгалова (для Мангазеи) [3, с. 88-89]. Кроме этого заслуживают внимания работы А.Р. Артемьева, А.В. Новикова, С.Г. Скобелева и ряда других исследователей, доказавших на археологических материалах существование русского керамического производства в Сибири. Конечно же, для каждого поселения необходимо свое адресное изучение, но все-таки априори есть основания считать, что на большей части региона существовало местное изготовление гончарной посуды в XVII - XVIII вв.

Ещё одной проблемой является вопрос классификации керамики. Археологический материал в значительной степени разнообразен, и не удивительно, что авторы используют набор различных критериев для систематизации гончарной посуды.

Ведущим способом классификации является определение функционального назначения посуды, что обычно решается через установление её видов. Например, для Мангазеи (по О.В. Овсянникову) были выделены такие виды как сковороды, миски, горшки, ручомойники [8, с. 269-272], для Нерчинска - горшки, миски, крышки, сковородки [2, с. 150], для Усть-Тартаского форпоста (по А.В. Новикову) корчаги, банки, миски и тарелки [7, с. 175-176], для Саянского острога - корчаги и горшки, банки, миски и сковороды, кружки (стаканы),

тигли [10, с. 206]. Реже авторы распределяют выявленные виды по таким категориям как кухонная (горшки, сковороды), столовая (тарелки, миски), техническая (светильники, чернильницы) посуда. Следует отметить, что для данного подхода характерно частое использование этнографических наименований посуды. И это обстоятельство ставит под вопрос правомерность употребления в одном ряду этнографических названий и названий, передающих, прежде всего, форму сосудов, (например использование термина «банки»).

Ещё одним способом классификации является распределение находок по характеру обработки поверхности и обжига керамики. Например, для Мангазеи выделены группы: серо-красная, лощенная, поливная [3, с. 88-89], для Албазинского острога - коричневая и серая [1, с. 165-170], для Илимского острога - мореная, красно-глиняная, чернолощенная, поливная [5, с. 122-127], для Саянского острога С.Г. Скобелев указывает, что «цвет керамики варьирует от черного до красного, хотя большинство сосудов имеет коричневый цвет разных оттенков» [10, с. 205].

Следует отметить, что этот признак классификации является наименее спорным, поскольку за каждым термином стоит достаточно четко определенная технология производства [4, с. 81—82; 9, с. 28]:

- серо-красная / серо-коричневая - наиболее простая в изготовлении керамика, полученная при восстановительном обжиге с недостаточной выдержкой для полного науглероживания. Её, как правило, можно определить либо по двух - трехслойному черепку, либо темно-серому на изломе черепку неравномерного окраса;

- мореную керамику характеризует восстановительный обжиг с длительной выдержкой достаточный для полного науглероживания стенок сосуда. Черепок на изломе обладает равномерным темно-серым или черным цветом. По технике изготовления и обжигу мореная керамика полностью аналогична лощеной;

- лощение (технический прием, напоминающий полирование) производилось на подсушенной поверхности сосуда ещё до его обжига с помощью окатанной гальки или костяного лощила;

- красно-коричневая керамика получена при окислительном обжиге с длительной выдержкой. Черепок на изломе, как правило, либо кирпичного цвета, либо близких ему тонов;

- для изготовления поливной керамики сосуд обсыпался специальными веществами, которые при обжиге плавилась и образовывали тонкий внешний слой (поливу) красного, желтого, коричневого, зеленого или других цветов. Известные нам образцы сибирской поливной керамики обладают равномерным красно-коричневым на изломе окрасом, что свидетельствует об окислительном обжиге с длительной выдержкой.

Следует отметить, что кухонная посуда серо-коричневой керамики, могла дополнительно закоптиться при использовании, и в результате по цвету фрагментов на изломе её достаточно сложно отличить от мореной керамики. Однако в целом последняя, кроме того, отличается более качественной отделкой сосуда и лучшей обработкой его поверхности. Не лишним будет указать, что согласно мнению Р.Л. Розенфельда, мореная посуда «получает распространение преимущественно в первой половине XVIII в., являясь поздним вариантом чернолощенной керамики» [9, с. 28].

Ещё одним способом классификации керамики является выделение типов (обычно, внутри видов) посуды, на основе таких признаков как форма венчика, длина и форма шейки, форма плечика и ряда других особенностей. Таким образом, автор классификации пытается, как бы воссоздать мысленную модель (идеальный образец) каждого типа, которому следовал гончар при изготовлении сосуда. В данном подходе авторами используется, как правило, устойчивое сочетание нескольких признаков, и выделение какого-то одного критерия для разработки типологии является мало применимым. Этот способ классификации наиболее часто использовался для обработки горшков и мисок, поскольку посуда именно этих видов является наиболее распространенной. Примеры такого рода обработки материала представлены для керамики Нерчинска [2, с. 148-149], Мангазеи [3, с. 88-89], и других памятников.

Выше названные способы систематизации гончарной посуды достаточно хорошо дополняют друг друга, и наиболее эффективным является их параллельное использование для археологических материалов одного памятника. Однако не всегда они могут быть применены в полной мере для обработки конкретной коллекции. Другим недостатком является то, что не существует единой терминологии для описания видов и типов сосудов, для определения качества обработки и обжига керамики. В частности у разных исследователей одна и та же группа может именоваться по-разному. Дополнительно надо отметить, что именно на разработку подробной классификации керамики в значительной степени опирается сравнительный метод исследования, благодаря чему мы можем выявлять какие-то схожие или отличительные черты материалов отдельных памятников или регионов.

Еще одним вопросом изучения сибирской гончарной посуды может быть вопрос взаимодействия местного аборигенного населения и русских переселенцев. Керамика традиционно является тем материалом, на котором исследователи обычно пытаются установить степень влияния соседствующих культур. Однако для русской керамики в Сибири это направление изучения материальной культуры является, как правило, мало перспективным, поскольку практически повсеместно на территории за Уралом аборигенное население в XVII в. либо уже не имело своего гончарного производства, либо отказывалось от него, становясь потребителем продукции русских мастеров.

Таким образом, на основе материалов, представленных в научной печати можно сделать вывод, что изучение керамических комплексов XVII - XVIII вв. городов и острогов Сибири преследует собой решение сразу целого ряда задач:

- выяснить существовало ли гончарное производство на определенной территории в отдельный отрезок времени;

- определить видовой состав посуды, в более широком смысле установить конкретные цели её использования (приготовление, хранение пищи и пр.);
 - определить технологические особенности производства посуды по таким признакам как качество обжига, обработка поверхности, использование гончарного круга и пр.;
 - разработка хронологической классификации керамики - выделение признаков, характеризующих гончарную посуду на определенном отрезке времени;
 - установить степень влияния местных традиций на русское гончарное производство (где это возможно).
- Решение всех этих задач позволяет получить нам ценную информацию об уровне экономического развития, как отдельных русских поселений, так и всего Урало-сибирского региона в целом.

1. Артемьев А.Р., Артемьева Н.Г. Керамика Албазинского острога// Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII - XIX вв.: Историко-археологические исследования. Т. 1. Владивосток, 1994. С. 165-170.
2. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII - XVIII вв. Владивосток, 1999. 336 с.
3. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001 - 2004 гг.). Екатеринбург-Нефтеюганск, 2008. 296 с.
4. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 326 с.
5. Добжанский В.Н. Керамика Илимского острога// Сибирь в древности. Новосибирск, 1987. С. 122-127.
6. Мельников Б.В. Характеристика гончарной керамики археологических памятников Урала и Сибири XVI - XVIII вв.// Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000. С. 394-399.
7. Новиков А.В. Гончарное производство Усть-Тартасского форпоста// Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990. С. 175-181.
8. Овсянников О.В. О керамике древней Мангазеи// Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 269-272.
9. Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII - XVII вв. САИ. Вып. Е1-39. М., 1968. 124 с.
10. Скобелев С.Г. Керамическая посуда Саянского острога// Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1999. С. 204-208.

Ю.А. Вандышева
Нижнетагильская госсосоцпедакадемия, студентка

ОКРАШИВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ В ДРЕВНОСТИ

С эпохи палеолита человечество начинает использовать красящие вещества. Краски применялись не только в пещерной живописи. Окрашивали предметы из различных материалов.

Наибольший интерес представляют плитки со стоянки Талицкого, изображения на которых имеют геометрический характер, четкие контуры и определённую локализацию. Достоверно окрашенных плиток на стоянке 2 экз. Первая плитка имеет изображения на двух плоских поверхностях: на одной - круга и поперечной полосы; на противоположной - двух полос, расположенных под углом друг к другу. Окраска сплошная, цвет - тёмно-красный. На обеих плоскостях заметны небольшие красноватые пятна нечетких контуров. Вторая плитка раскрашена более интересно - на одной плоскости краской нанесена косая линия, от которой в обе стороны отходят такие же линии: с одной стороны две, с другой одна. Нужно добавить, что в коллекции стоянки имеется, по крайней мере, еще 5 фрагментов плиток со следами краски [12, с. 86-87].

Интересные находки были сделаны в зале Хаоса пещеры Шульган-таш. Это два обломка известняка со всех сторон покрытые толстым слоем красного пигмента. По мнению исследователей, данные предметы использовались для растирания красок [3, с. 66]. При раскопках 2010 г. в Купольном зале была обнаружена каменная плита покрытая слоем охры. Вторая плита, меньшего размера, также покрытая сантиметровым слоем охры, была найдена тагильскими студентами в зале Хаоса среди валунов.

Известны также немногочисленные случаи раскрашивания костей плейстоценовых животных. На палеолитической стоянке в Горях найдено 2 обломка ребер мамонта со следами краски. Один фрагмент полностью покрыт охрой. Возможно, ребро предназначалось для растирания охры. На второе ребро нанесены отдельные поперечные полосы. Кроме этого в коллекции имеется еще несколько костей мамонта с предположительными следами окрашивания.

Фрагмент ребра животного, окрашенный охрой, был также обнаружен на стоянке Заозерье (левый берег реки Чусовой) [6, с. 10].

На Гмелинской стоянке в Костенках найдено ребро мамонта, окрашенное в красный и черный цвет. Особенно интенсивно была окрашена головка ребра. Изучение коллекций плейстоценовых животных на стоянках Костенковского района позволило обнаружить значительное количество раскрашенных костей. В настоящее время в Костенках зафиксировано использование палеолитическим человеком четырех основных цветов: красного, охристого (желтого), черного и белого [8, с. 81-82].

В мезолите хорошо известны окрашенные наконечники стрел. Мезолитический комплекс камня Дыроватого содержит 482 костяных наконечника, на которых присутствует орнамент в виде геометрических узоров. Почти всегда в орнамент втиралась охра. Но встречены наконечники без орнамента, обильно натертые охрой. Следует отметить, что в коллекции камня Дыроватого чаще всего орнамент наносился на вкладышевые наконечники стрел. Из около 300 биконических наконечников орнаментировано всего два. Из числа игловидных наконечников, а их в коллекции около 650 экз., орнаментировано тоже два экз. Окрашивание оружия, по мнению исследователей, усиливало поражающий эффект [9, с. 73-82].